

стердам — Екатеринбург, вовсе не случался. Он был определен судьбой и благодарной памятью людей, преданных ему и его искусству.

Дирижерская профессия предполагает чувство всемирности. Но Кондрашин был просто призван к этому. Странствуя в бесконечном симфоническом мире Бетховена, Брамса и Чайковского, пронзительно ощущая духовное родство Малера и Шостаковича, он познал прекрасную цельность этого мира, его универсальные законы. Однако реальный мир был строго дифференцирован «занавесами», барьерами и тому подобным. Он был разорван и жесток. Общечеловеческие ценности не выносятся диктата. Они скрываются или уходят, уступая место идеологическому выбору, известному тем, что там все раз и навсегда известно. Железная «материя», данная Кондрашину «в ощущениях» (зарубежные гастроли только подчеркивали это), с годами обостряла чувство всемирности, делала его все более идеальным и недостижимым. Действительность и мечта...

Хрестоматийный романтический конфликт объял жизнь немолодого человека, на первый взгляд прочно стоявшего на реальной почве. Двойственность стала невыносимой. В преддверии нового, 1979 года он (с помощью верного друга) решает навсегда остаться в Голландии. Началась новая жизнь, освященная гармонией.

В то время Кондрашин отлично понимал, что такое навсегда. Однако драматический смысл этого слова не снимал радости обретения. Судьба, движение которой он, вероятно, угадывал, отпу-

Судьба и память

стила ему еще два с небольшим года, но зато наполнила их столь желанной горизонтальностью жизни и творчества. В отличие от учившегося в Голландии ремеслу и скрывавшегося под видом подмастерья Петра I, царь Кирилл жил, как и подобает Мастеру его ранга. Обретя свой космос, он по-новому услышал любимую музыку. Ее соразмерность и глубина открывали иные миры. Жажда творчества не иссякала. Вдохновенные концерты с лучшими оркестрами. Иерусалим, Чикаго, Вена. И постоянная работа в своем «доме» — Амстердаме со знаменитым «Концертгебау». Его муза была в эти годы счастливой.

После смерти Мастера в Голландии был учрежден Международный конкурс молодых дирижеров его имени. Одним из лауреатов конкурса становится петербуржец Андрей Борейко, чья связь с Голландией была, видимо, предопределена самой памятью города Петра. (Можно вспомнить волнующую близость живописных декораций заброшенной «Новой Голландии» и Театральной площади, на которой учился будущий лауреат). Вскоре А. Борейко возглавил Уральский филармонический оркестр. Тогда-то и родилась замечательная идея филармонического мемориала. Кондрашин вернулся в Россию, в Екатеринбург — на сей раз из Амстердама.

Прекрасный фотопортрет дирижера, висевший над сценой, и содержательная выставка в фойе обрамляли «пространство Кондрашина», в котором целую неделю звучала музыка. Преимущественно та, которую дирижер любил и исполнял. Звучала она по-разному. Московские филармонии под руководством В. Синайского привезли «кондрашинскую программу»: «Симфонические танцы Рахманинова», «Вальс Равеля», Первую симфонию Шостаковича и «Жизнь героя» Р. Штрауса. Несмотря на существенные потери последних лет, высокий класс оркестра, прежде всего в ярком концентрированном звучании струнной группы (с великолепным концертмейстером Г. Красько), был очевиден. Однако по большому счету (другой здесь не уместен) Приношения Мастеру не произошло. Темпераментному искусству В. Синайского все же недоставало (за исключением поэмы Р. Штрауса) «проникающего анализа», без которого блеск становится внешним и не освещает бездонные глубины музыки. Не помогло и соседство портрета Кондрашина. Сменив «инфанта» — Д. Китаенко на «внука», оркестр, похоже, отказался от притязаний на трон. Неужели и здесь действует «закон Манделштама»: «И не одно сокровище, быть может, минувя внуков, к правнукам уйдет...»?

Что же касается УФО (Уральского филармонического оркестра), то «уфологам» явно не хватило времени для изучения своих «объектов» (под руководством А. Борейко и Л. Маркиза — увы, тоже теперь голландца), а «фирменного» запаса, к сожалению, не оказалось. Желаемое и действительное пришли в противоречие, напомнив, что театральный уход музыкантов, гасящих свечи в «Процальной» Гайдна, может вызвать разные ассоциации. На этом фоне самой высокой нотой стало выступление камерного оркестра «В-А-С-Н» (Екатеринбург) с Л. Маркизом, проникновенно сыгравшим столь любимого Кондрашиным Шостаковича (Квартет № 3 в оркестровке Р. Баршя).

И все-таки досадные штрихи не снижали благородную идею Недели. Вдохновенное лицо Мастера по-прежнему таило «основные черты классической музыки: знание о трагизме человеческого бытия, приятие человеческого удела, мужество и ясность!» (Г. Гессе). Если Кондрашин и не был романтиком, то все равно искал духовный абсолют. Нашел ли он его в жизни? Не знаю. Но хочу верить в романтическую формулу Новалиса: «Жизнь усиливается после смерти...»

Михаил МУГИНШТЕЙН.

ФИЛАРМОНИЧЕСКИЙ ПАССАЖ

В РЯД ли Кирилл Кондрашин мог предположить, что когда-нибудь в России пройдет Неделя его памяти. И тем более не в Москве, которой он так много отдал во главе своего филармонического — «кондрашинского» оркестра, а в Екатеринбурге, куда дирижер приезжал только на гастроли. Между тем путь Кондрашина, обозначенный на афише: Москва — Ам-

63